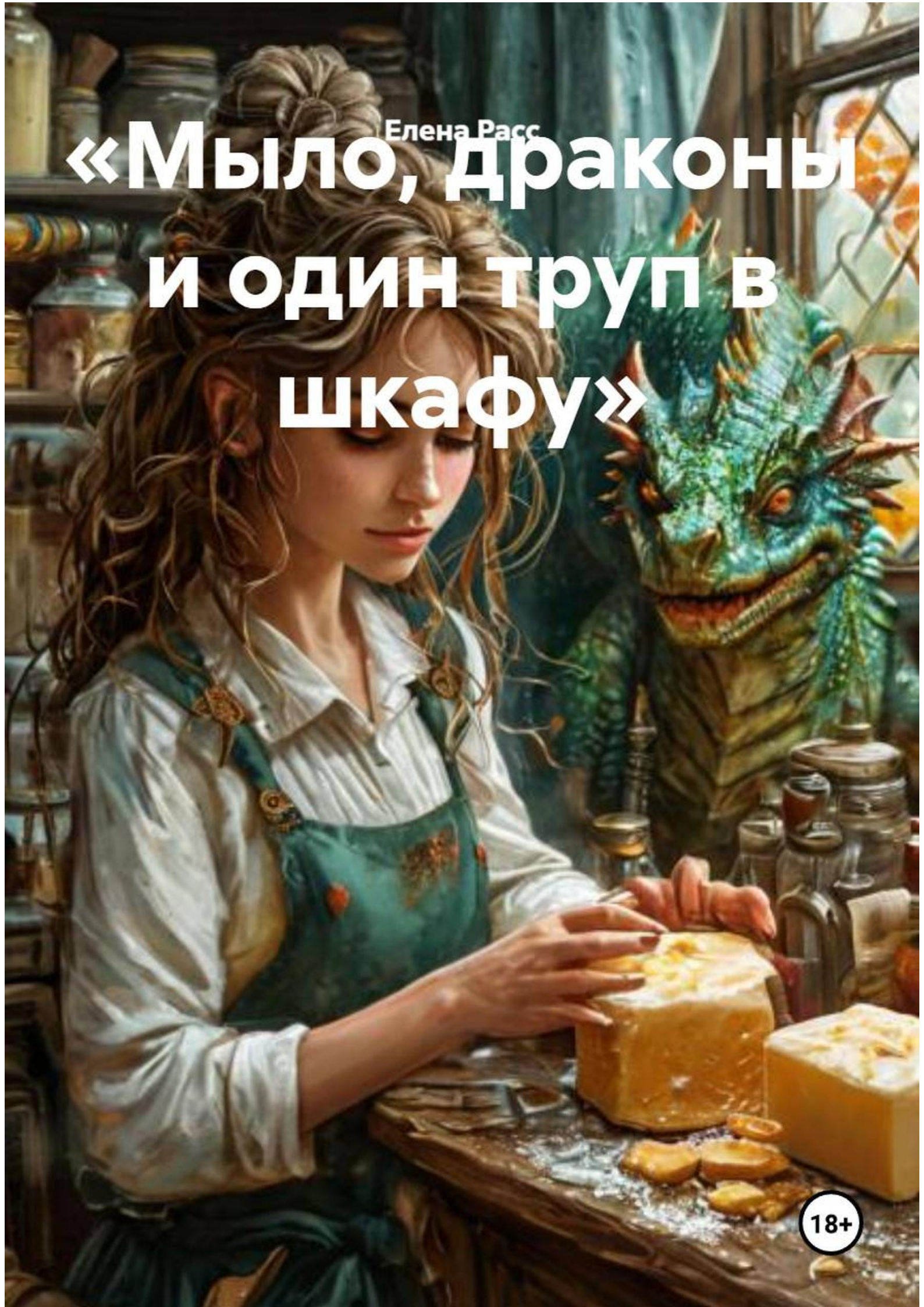

Елена Расс

«Мыло, драконы и один труп в шкафу»

18+

Елена Расс

**Мыло, драконы и
один труп в шкафу**

«Автор»

2026

Расс Е.

Мыло, драконы и один труп в шкафу / Е. Расс — «Автор», 2026

Эва Дымова — московский мыловар со стажем. Проснувшись в магической академии, она обнаруживает три ужасающих факта: местное «мыло» разъедает кожу и пахнет чесноком, драконы чихают огнём при виде пены, а в шкафу мыловарни лежит труп. Намыленный её мылом. Следствие ведёт мрачный дракон-следователь Лейнард Огнекрылый, у которого аллергия на чистоту и план посадить неудачливую попаданку. Но Эва не была бы технологом с четырнадцатилетним стажем, если бы не умела варить улики и любовь с первого запаха. Между мятными бомбочками, допросами с пеной правды и бытовым абсурдом выяснится: убийца — свой в доску, а драконы всё-таки чихают, когда влюблены. Ироническое фэнтези с мыльным пузырьём романтики и трупом в каждой второй главе.

© Расс Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Расс

«Мыло, драконы и один труп в шкафу»

Главная героиня: Эва Дымова – бывший технолог косметического производства из Москвы, 32 года, прагматик, циник с добрым сердцем. Попадает в мир, где магия есть, а нормального мыла – нет (все моются склизкими травяными пастами).

Герой: Дракон-следователь Лейнард Огнекрылый – высокий, мрачный, с прожилками чешуи на скулах, ненавидит мыло (запах перебивает его магическое чутье), вынужден работать с «этой безумной мыловаркой».

Второстепенные:

Горгулья-регистраторша Клёпа (обожает сериалы про любовь).

Эльф-парфюмер Алмаз Ветрогон – вечно обиженный аристократ.

Труп в шкафу – лорд Артемий Вакс, коллекционер редких масел.

ЧАСТЬ 1. МЫЛО ВАРИТСЯ – ТРУП НАЙДЕТСЯ

Глава 1. Где мыло, там и скандал

Очнулась я носом в луже.

Нет, это не фигура речи. Буквально – мой собственный нос лежал в тёплой маслянистой жиже, которая пахла прелым сеном и отдалённо – чесноком. Голова раскалывалась так, словно в ней поселился маленький, но очень злобный кузнец. И этот кузнец решил, что его призвание – отбивать ритм на моих затылочных долях.

– Очнулась, касатик? – раздался скрипучий голос над ухом. – А то я уж думала, померла. А помирать нынче невыгодно – гробовщики подорожали, после того как эльфы лес на удобрения пустили.

Я приподняла голову и увидела старуху. То есть – как старуху? Лет семьдесят, морщинистая, нос крючком, но глаза – ярко-зелёные, с вертикальными зрачками. Кошка, а не бабка. Или не совсем бабка.

– Где я? – прохрипела я, садясь на чём-то скрипучем и деревянном. – И почему от вас пахнет серой?

– Так я ж горгулья, касатик. Клёпа меня звать. А ты – в мыловарне академической. При падении магическом ударилась. Три часа без памяти лежала. Я тебя уже саваном накрыть хотела, но ты дышала.

Мыловарня? Я огляделась. Вокруг стояли огромные медные чаны, в углу громоздилась гора каких-то трав, под потолком висели связки корней. Всё в паутине, всё в копоти. И запах... боже, какой запах! Смесь прогорклого масла, прелых листьев и того самого чеснока.

– Господи, – выдохнула я. – Что это за вонь?

– Мыло, касатик, – горгулья Клёпа гордо указала на чан, из которого медленно пузырилась сизая жижа. – Особый рецепт. Профессор Вакс лично составил. Для омовения юных магов перед экзаменами.

Я подошла к чану. Заглянула. По моему лицу, наверное, можно было изучать всю гамму эмоций от недоумения до ужаса. Это не мыло было. Это было биологическое оружие. Жидкость напоминала болотную воду, только гуще, и в ней плавали какие-то тёмные хлопья. Я тронула поверхность пальцем. Палец обожгло.

– Ай!

– Оно такое, касатик, – сочувственно кивнула Клёпа. – Кожу разъедает, зато магический фон выравнивает. У студентов потом три дня лицо чешется, но экзамены сдают лучше.

Я посмотрела на свой палец – он покраснел и начал покрываться мелкими волдырями.

– Так, – сказала я медленно. – Кто здесь главный?

– Профессор Вакс, – Клёпа понизила голос до шёпота. – Лорд Артемий Вакс. Он вам не простит, что вы на его мыловарню с неба свалились. Он вообще не прощает ничего. У него даже кот – и тот обиженный.

– А я не к нему, – отрезала я. – Я к тому, кто здесь мыло варит. Потому что это, – я ткнула здоровым пальцем в чан, – это не мыло. Это военное преступление против человеческой, драконьей и прочей кожи.

Клёпа округлила зелёные глаза.

– А кто ты такая, касатик, чтоб так про мыло говорить?

Тут я задумалась. Кто я такая? Действительно. Последнее, что я помнила – это моя крошечная лаборатория в Москве, очередная партия козьего молочного мыла с лавандой, а потом – хлопок. Буквально хлопок, как лопнувший мыльный пузырь. Только громче. И вот я здесь.

– Меня зовут Эва Дымова, – представилась я на автомате. – Я – технолог косметического производства, мыловар со стажем четырнадцать лет, и это, – я ещё раз ткнула в чан, – это оскорбление всего святого.

Клёпа моргнула.

– Косме... Чего?

– Мыло варю. Хорошее мыло. Которое пахнет цветами и не съедает лицо.

– Бывает такое? – искренне изумилась горгулья.

И вот тут я поняла, что попала в мир, где даже понятия «нормальное мыло» не существует. Это был шок. Это было страшнее, чем проснуться в незнакомом месте. Это было как узнать, что во всём мире нет кофе. Или что люди едят пиццу с ананасами и считают это нормальным.

Я медленно перевела взгляд на горгулью.

– Клёпа, дорогая, – сказала я очень спокойно. – Покажи мне, где здесь масла. Где щёлок. И главное – где можно раздобыть хоть немного нормальной лаванды.

– Лаванда? – Клёпа почесала затылок. – Это которая фиолетовая и пахнет? Так её эльфы на ожерелья пускают. Дорого, касатик. Очень дорого.

– А подешевле что?

– Крапива есть. Лопух. Конский каштан.

Я закрыла глаза и вздохнула. Ну что ж. Будем варить мыло из того, что есть. Главное – принцип: омыление жиров щёлочью. Остальное – дело техники и наглости.

– Клёпа, – сказала я. – Ты сбегай на рынок, принеси мне: килограмм самого дешёвого масла, мешок золы, ведро воды и любые пахучие травы, кроме чеснока. Чеснок этот я выкину в окно вместе с чаном.

– А профессор Вакс?

– А профессор Вакс пусть приходит и лично объяснит, почему его студенты моются кислотой.

Клёпа хихикнула и, кряхтя, выпорхнула (в прямом смысле – у неё за спиной сложились крылья, каменные и серые, с паутиной на стыках) в окно. Я осталась одна.

Осмотрелась ещё раз. Грязь, копоть, беспорядок. Судя по всему, мыловарня не видела уборки лет эдак пятьдесят. И при этом – огромный потенциал. Медные чаны были отличные, старые, толстостенные, с правильной геометрией. Каменка для нагрева – настоящая. Сырьё – бедное, но доступное.

– Ничего, – сказала я вслух. – Будет вам мыло, драконы вас раздери. Такое мыло, что вы мировой рынок перевернёте.

И принялась за дело.

Первым делом – щёлок. Я нашла в углу ведро, доверху забитое золой. Высыпала в чан, залила горячей водой (с трудом разожгла каменку – огниво тут работало иначе, искры были синими, а дрова шипели, будто живые). Оставила настаиваться.

Вторым делом – жиры. Клёпа вернулась через час с огромным мешком жирных обрезков (похоже, с местной скотобойни) и парой пучков сушёной мяты и полыни.

– Мята – это хорошо, – кивнула я. – Полынь – горькая, но запах даст. А вот какой-нибудь цветочной травы нет?

– Есть, – Клёпа замялась. – Но это... это профессор Вакс коллекционирует. Особые масла. Он никому не даёт.

– Потом поговорим с профессором, – отмахнулась я. – Сейчас главное – сварить первую партию, чтобы было чем мыть руки.

– А зачем мыть руки? – искренне удивилась горгулья. – Они и так чистые. Вон грязь отваливается сама, когда подсохнет.

Я посмотрела на свои руки. Да, они были в копоты, мазуте и чём-то липком. И это – по местным меркам – считалось чистотой?

– Клёпа, – сказала я строго. —Запомни раз и навсегда: мыть руки перед едой, после туалета и после контакта с подозрительными поверхностями – это база. Это основа цивилизации. Без этого нет ни магии, ни прогресса, ни любви.

– Люви? – Клёпа вытаращилась.

– Люви, – кивнула я. – Потому что целовать человека, у которого руки в чём попало – сомнительное удовольствие.

И принялась варить.

Расчёт был простой: на три части жира – одна часть щёлока. Переварить, омылить, дожидаться следа. В отсутствии электронных весов и термометров работала на глаз, на ощупь, на старые мыловаренные дрожжи.

К вечеру, когда в мыловарню начали заглядывать первые любопытные (студенты, которым запах чесночного мыла уже поперёк горла стоял), я уже лила готовую мыльную массу в деревянные формы.

Она пахла мятой и полынью. С лёгкой горчинкой, но – без чеснока. Без кислоты. И когда я через три часа (проветривать мыло тут не нужно было – магия?) достала первый кусок, он получился ровным, твёрдым, зеленовато-серым, но – гладким.

– Попробуй, – я протянула кусок Клёпе.

Горгулья взяла его щупальцами (у неё были странные отростки на пальцах, явно не человеческие), понюхала. Чихнула – но не от запаха, а от неожиданности.

– Это... это не воняет, – изумлённо сказала она.

– Это мыло «Мятная прохлада», – объявила я. – Убивает бактерии, смывает грязь, не разъедает кожу. И да – оно пенится.

Я намочила кусок в ведре с водой, растёрла в ладонях. Появилась белая, густая, душистая пена.

Клёпа ахнула. Студенты, собравшиеся у двери, замерли. А из темноты коридора вдруг раздался тяжёлый шаг – с лязгом, с искрами, с запахом озона и серы.

– А это ещё кто тут законы химии нарушает? – пророкотал низкий голос.

Я подняла голову.

В дверях стоял дракон.

Нет, не так. В дверях стоял ДРАКОН. Два метра ростом, плечи – полторы ширины дверного проёма, лицо с чешуйчатыми скулами, глаза – вертикальные, янтарные, волосы – чёрные, длинные, небрежно стянутые в хвост. Он был в тёмном мундире с серебряными нашивками, из-под рукавов торчали острые когти, и весь он, от макушки до сапог, источал ауру «не подходи – убьёт».

– Я – следователь Лейнард Огнекрылый, – представился он. – Кто здесь варит запрещённые зелья под видом гигиенических средств?

– Это не зелья, – ответила я, не моргнув глазом. – Это мыло. Обычное перемыленное масло со щёлочью. Без магии.

– Без магии не бывает запаха, от которого хочется чихать, – мрачно сказал дракон, и в следующую секунду его ноздри раздулись. Он втянул воздух. Лицо его – такое суровое – пошло пятнами.

И он чихнул.

Громко. Оглушительно. С такой силой, что изо рта вырвался сноп искр, и ближайший деревянный стеллаж с банками весело загорелся.

Я выхватила тряпку и принялась забивать огонь.

– У вас аллергия на мяту? – спросила я, хлопая по тлеющим доскам.

– У меня аллергия на мыло, – прорычал дракон, вытирая слезящиеся глаза. – На любое. Оно перебивает запах преступления. Я – следователь, Дымова. Мой нос – мой главный инструмент. А ты его испортила.

– Ну извините, – я разогнулась и упёрла руки в бока. – Не знала, что в вашем мире драконы нюхают улики, а людей нюхать стесняются.

– Что? – он прищурился.

– Проехали. Слушайте, лейтенант Огнекрылый...

– Следователь, – поправил он ледяным тоном. – Старший следователь по особо опасным преступлениям магического характера.

– Старший следователь, – кивнула я. – Я здесь меньше суток. Сварила одну партию мыла. Если это преступление – забирайте меня в тюрьму. Там хоть вода горячая есть?

Дракон молча смотрел на меня. Янтарные глаза сузились, чешуя на скулах подрагивала. Он явно не привык, чтобы с ним так разговаривали.

– Ты арестована, леди Дымова, – сказал он наконец.

– С чего вдруг?

– С того, что профессор Артемий Вакс, чью мыловарню ты захватила, найден мёртвым в своём шкафу, – дракон выдержал паузу. – А его тело полностью намылено твоим мылом.

В мыловарне повисла тишина. Даже студенты перестали дышать.

Я медленно перевела взгляд на стеллаж, где лежали сушиться готовые куски «Мятной прохлады». Потом – на свои руки, всё ещё пахнущие щёлочью и мятой.

– Это... это ошибка, – сказала я. – Я никого не убивала.

– Докажешь на допросе, – дракон щёлкнул пальцами, и мои запястья обвили золотистые магические нити.

– Серьёзно? – я попыталась дёрнуться. Нити затянулись.

– Абсолютно. И да, – он наклонился ко мне, чихнул ещё раз (на этот раз – искрами в сторону) и прошипел, – если ты будешь варить это... это душистое оружие массового поражения в моём участке, я лично скормлю тебя своему младшему брату. У него дерматит.

– У драконов бывает дерматит?

– Только у тех, кто живёт рядом с мыловарами-неудачниками, – и он уволок меня в ночь, даже не дав попрощаться с Клёпой.

Горгулья стояла в дверях, прижимая щупальцы к сердцу, и шептала:

– Матушки мои каменные... Касатик наш пропал...

Глава 2. Драконам мыло – как красная тряпка

Участок магической стражи оказался огромным замком из чёрного камня, с башнями, шпилями и живым рвом (вода в нём дышала – буквально, пускала пузыри и вздыхала). Меня привели в кабинет, пахнущий гарью, старой кожей и почему-то валерьянкой.

– Садись, – дракон указал на деревянный стул. Сам рухнул в кресло, потирая покрасневший нос. – И не воняй.

– Я не воняю, – возразила я. – Это вы – аллергик с чувствительным обонянием. Пройдите к врачу.

– В моём мире нет врачей для драконов, – отрезал он. – Есть только целители. Целитель сказал: не нюхай мыло. Я не нюхаю. А ты его варишь. Вынь и положи.

– Интересная у вас логика.

– Логика следователя, – дракон щёлкнул пальцами, и на столе появилась папка. – Итак, Эва Дымова, личность неопознанная, магический след нулевой, появилась в мире день назад. Мотив? Неизвестен. Орудие? Магический нож, который, кстати, исчез из музея семь дней назад. Прямых улик против тебя нет, кроме одного: тело профессора намылено твоим мылом. Твоим, Дымова. Я проверил – реактивы показали мятую, полынь и щёлок. Твоя рецептура.

– А то, что я сварила его под надзором горгульи и трёх студентов, вы не учитываете?

– Учитываю. Но алиби у тебя железное – ты всё это время была в мыловарне. Следовательно, кто-то залез туда после того, как мыло высохло, и намылил им покойного.

– Зачем?

– Затем, чтобы подставить тебя, – дракон откинулся на спинку кресла. Скрипнуло. Кажется, кресло было рассчитано на вес поменьше. – Или затем, чтобы проверить твоё мыло на трupe.

– Фу.

– Согласен. Но такова работа, – он вздохнул, и в этом вздохе горели угли. – Поэтому, Дымова, ты будешь сидеть в камере предварительного заключения, пока я не найду настоящего убийцу. Или пока ты не признаешься.

– А если я помогу вам найти?

– Чем? Мылом?

– Во-первых, мыло, – я подалась вперёд. – Во-вторых, я – технолог. Я понимаю химию процессов. Дайте мне взять пробу с тела, и я скажу, в каком состоянии находилось мыло в момент нанесения: свежее, сухое, с партией или по отдельности.

Дракон замер. Даже перестал чесать нос.

– Ты можешь это определить?

– Могу. И могу сказать, сколько времени мыло было на коже до того, как профессор... ну, вы поняли.

– Интересно, – протянул дракон. – Ладно. Получаешь временное послабление. Работаешь со мной. Но! – он поднял когтистый палец. – Никакого варения мыла в моём участке.

– А если я без варения не могу сосредоточиться?

– Тогда ты психопатка.

– Следователь, вы – дракон с аллергией на чистоту. Мы квиты.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его янтарных глазах промелькнуло что-то странное – то ли интерес, то ли раздражение, то ли очень ранняя стадия гастрита.

– Идём, – сказал он наконец. – Покажешь свой мыльный гений.

Мы вышли из кабинета в коридор, где висели портреты прошлых следователей – все с горящими глазами, с бородами, в мундирах с эполетами. Дракон шёл впереди, чешуя на его затылке мерцала янтарём при свете факелов.

– Слушайте, старший следователь, – сказала я ему в спину.

– Лейнард.

– Что – Лейнард?

– Можешь называть меня Лейнард. На допросах – следователь Огнекрылый. В коридорах – просто Лейнард. Иначе я не запоминаю, что ты – союзник, а не подозреваемая.

– А я союзник?

– Пока да. – он обернулся. – Но если твоя версия не подтвердится, я посажу тебя в камеру и лично выброшу ключи в ров с кислотой.

– А если подтвердится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.